

БЕСѢДА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Въ разговоръ, начавшемся между Калгановымъ, Карамазовымъ и Сократомъ, онъ указываетъ на различныя направленія въ современной психологій, обусловленныя различіемъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ психологи разсматриваютъ свой предметъ и видитъ общій признакъ всѣхъ этихъ направленій въ томъ, что у нихъ «психологія безъ души», что, въ его глазахъ, и составляетъ самый важный ихъ недостатокъ. Потомъ въ разговоръ со мною, Серебряковой и Синайскимъ Сократъ излагаетъ свой выводъ идеи пространства, при чемъ постоянно сближаетъ теорію происхожденія идеи пространства съ изложенною имъ прежде теоріею происхожденія идеи времени. Сперва онъ объясняетъ возникновеніе въ нашемъ сознаніи общей идеи пространства, а потомъ указываетъ, какъ на этомъ общемъ базисѣ возникаютъ частныя пространственныя понятія, каковы, напр., понятія направленій, измѣреній, протяженности, прямой и кривой линіи. Развитіе идеи пространства проходитъ, по Сократу, черезъ стадіи субъективнаго, объективнаго и абстрактнаго или геометрическаго пространства. Въ этомъ процессѣ развитія и образованія идеи пространства главную роль играетъ, по его мнѣнію, наша мыслящая дѣятельность, такъ что основныя свойства, которыя мы мыслимъ въ идеѣ пространства, суть на самомъ дѣлѣ признаки не пространства, которое само по себѣ не имѣетъ никакой реальности, а нашей мыслящей дѣятельности, которая, по поводу ощущеній, создаетъ эту идею.

Когда мы воротились съ прогулки, то уже было 6 часовъ, и мы сѣли обѣдать. За обѣдомъ Калгановъ завелъ съ Сократомъ, сидѣвшимъ, по обыкновенію, подлѣ хозяйки, слѣдующій разговоръ.

Калгановъ. Скажите, Сократъ Ивановичъ, сколько существуетъ наукъ о душѣ?

Сократъ. Да вы, пожалуй, опять затѣваете какой-нибудь подвохъ подъ меня? Зачѣмъ вамъ нужно знать это?

Калгановъ. Да изъ любознательности! Развѣ я, по вашему, не способенъ желать просвѣщенія? вотъ, я и ищу его у васъ!

Сократъ. Ну, пусть будетъ такъ! По моему, психологія. какъ наука о душѣ, только и можетъ быть *одна*.

Калгановъ. Какъ одна? Это ужъ даже и я знаю, что ихъ нѣсколько, а вамъ стыдно не знать!

Сократъ. Я все не понимаю, къ чему вы это ведете! Можетъ быть, вы имѣете въ виду разныя названія психологіи? Такъ ли?

Калгановъ. Именно, именно, вотъ названія-то мнѣ и нужны. А сколько этихъ названій?

Сократъ. Ну, коли хотите, я перечислю вамъ всѣ, какія знаю. Есть, напр., психологія опытная, есть экспериментальная, есть фیزیологическая, есть математическая, есть наконецъ психофизика.

Карамазовъ. Извините, господа, если я вставляю одинъ вопросъ. Что это—разныя имена для одного и того же, или нѣтъ? Вотъ вы говорите, что есть опытная и экспериментальная психологія. По моему, тутъ разница только въ томъ, что одинъ терминъ русскій, а другой—иностранный.

Сократъ. Нѣтъ, здѣсь разница не въ именахъ только, а и въ предметахъ. Опытная психологія нѣсколько разнится отъ экспериментальной и по содержанію.

Карамазовъ. Ну, а у фیزیологической и у психофизики тоже разница не въ именахъ?

Сократъ. Да! тоже не въ однихъ именахъ!

Калгановъ (къ Карамазову). Погодите, Алексѣй Ѳедоровичъ, я вижу, что у васъ съ нимъ дѣло пойдетъ далеко, а я свое кончу въ двухъ словахъ. (Къ Сократу.) А есть ли психологія, которая называется *психографіей* и *психометріей*?

Сократъ. Ну, такихъ названій я что-то не встрѣчалъ, хотя и не поручусь, что ихъ уже не выдумали! Да откуда вы слышали о нихъ?

Калгановъ. Да я слышалъ это отъ одного профессора, который за границей работалъ въ самыхъ лучшихъ *психологическихъ лабора-*

торіяхъ и не нынче—завтра появится у насъ здѣсь. Да, Сократъ Ивановичъ, это вамъ не съ нами будетъ разговаривать! Какъ онъ разъ-другой огорошитъ васъ *лабораторной-то наукой*, такъ, вѣдь, у васъ, пожалуй, и языкъ прилипнетъ къ гортани! (Смѣется.)

Сократъ (къ Карамазову). Да скажите, пожалуйста, Алексѣй Ѳеодоровичъ, объ комъ это онъ говоритъ?

Карамазовъ. Да, вѣдь, вы знаете, что онъ любитъ позубоскалить и чѣмъ-нибудь раздражить или смутить васъ. Я вамъ послѣ объясню это, а теперь мнѣ интересно спросить у васъ, въ чемъ существенное различіе между названными вами психологіями?

Сократъ. Различіе этихъ психологій состоитъ въ точкѣ зрѣнія, съ которой онѣ смотрятъ на психическія явленія, и отсюда въ методъ, которому онѣ слѣдуютъ при ихъ изученіи. Такъ, напр., *эмпирическая* психологія наблюдаетъ психическія явленія въ ихъ случайномъ происхожденіи въ сознаніи нашемъ собственномъ и другихъ людей, по скольку мы имѣемъ въ этомъ случаѣ заслуживающія довѣрія свидѣтельства объ нихъ. *Экспериментальная* психологія отличается отъ опытной тѣмъ, что она кромѣ наблюденія допускаетъ еще экспериментъ, т. е., преднамѣренное видоизмѣненіе психическихъ явленій, при посредствѣ какихъ-нибудь искусственныхъ условій, введенныхъ въ наблюденія съ цѣлью какъ бы задать психической нашей дѣятельности опредѣленные вопросы; однимъ словомъ, въ экспериментальной психологіи стараются ввести въ изслѣдованіе тотъ же методъ, которому слѣдуютъ физика, химія, вообще естественныя науки. Въ *психофизикѣ* эта экспериментальная психологія получаетъ уже особый характеръ, а именно: къ экспериментальному изученію *качества* психическихъ явленій и *перемѣнъ*, которымъ это качество подвергается, въ психофизикѣ присоединяется изученіе ихъ и со стороны *количества*. Здѣсь отыскиваются *мѣры* и *масштабы*, посредствомъ которыхъ можно было бы выразить перемѣны въ теченіи психическихъ явленій, ихъ усиленіе или ослабленіе; составляются таблицы, подводятся итоги исчисляемыхъ величинъ и т. п. Въ *математической* психологіи уже предполагается возможнымъ дѣйствовать *дедуктивно*, какъ это бываетъ въ наукахъ физическихъ; какой-либо законъ психическихъ явленій обозначается алгебраически

въ уравненіи, а потомъ дѣлаются разныя предположенія и соотвѣтственно этимъ предположеніямъ измѣняются формулы уравненія, т. е., путемъ дедуктивнымъ отыскиваются новыя научныя положенія. Въ *физиологической* психологіи психическія явленія изучаются въ тѣсной связи и зависимости ихъ отъ физиологическихъ явленій—вообще тѣла и въ особенности нервной системы. Что же касается до психографіи и психометріи, о которыхъ спрашиваетъ Петръ Сомичъ, то я объ нихъ ничего не знаю. Впрочемъ, по моему *всѣ науки* суть не что иное, какъ *психографія* и *психометрія*, потому что мы все существующее имѣемъ въ своей душѣ, въ ней видимъ, строимъ, въ ней измѣряемъ и познаемъ.

Синайскій. Извините, Сократъ Ивановичъ, если я васъ спрошу, не хотите ли вы этимъ сказать, что ваша философія есть *субъективный идеализмъ*?

Сократъ (недовольнымъ тономъ). Нисколько не хочу сказать, потому что термины: *объективный* и *субъективный*, употребляются такъ неопредѣленно и такъ несоотвѣтственно моей философской точкѣ зрѣнія, что если иногда по необходимости я и употребляю ихъ, то дѣлаю это съ большою неохотою. Точно также и соединеніе ихъ съ терминомъ: идеализмъ, у меня не возбуждаетъ ясной идеи. Во всякомъ случаѣ я никогда не назвалъ бы своей системы субъективнымъ идеализмомъ; ее, какъ я уже разъ высказался, всего лучше назвать *панпсихизмомъ*.

Карамазовъ. Ну, теперь, Сократъ Ивановичъ, скажите ваше мнѣніе о всѣхъ сейчасъ исчисленныхъ вами психологіяхъ. Судя по вашей характеристикѣ, онѣ, вѣдь, полезныя науки.

Сократъ. Прежде всего я вижу въ нихъ тотъ недостатокъ, что онѣ—«психологіи безъ души».

Карамазовъ. Какъ это такъ? Я не понимаю, что вы этимъ хотите сказать?

Сократъ (улыбаясь). Да я-то тутъ не причемъ! Я только употребляю вошедшій въ моду *современный* терминъ. Психологи, притязающіе, по преимуществу, на титулъ *научныхъ* и вообще принадлежащіе къ позитивизму, къ эволюціонизму и явно или тихомолкомъ къ матеріализму, говорятъ, что психологія должна отбросить

отъ себя фантомъ души и заниматься одними *психическими явленіями*. Впрочемъ, этимъ психологамъ и нѣтъ надобности въ душѣ, потому что у нихъ вмѣсто нея есть «мы»! Вотъ еслибы кто-нибудь сталъ мѣшать этимъ «мы» производить, изучать и толковать психическія явленія, тогда мы сейчасъ услышали бы объ «я» или о личности, имѣющей неотъемлемыя человѣческія, гражданскія, личныя *права* разсуждать, сочинять и печатать вышеназванныя психологіи «безъ души», а только съ одной «совокупностью»!.. Конечно, я вполне согласенъ съ вами, что всѣ эти разныя точки зрѣнія, съ которыхъ изучаются психическія явленія, сами по себѣ, нисколько не мѣшаютъ психологической наукѣ возможно полнѣе изучать душевныя явленія, а тѣмъ самымъ, конечно, изучать и проявляющагося въ нихъ дѣятеля, т. е. душу. Но, къ сожалѣнію, въ силу преобладанія позитивистическихъ тенденцій у современныхъ ученыхъ въ дѣлѣ созиданія знанія, теперь всюду начинается господство такой чрезмѣрной специализаціи, что наукѣ вообще грозитъ опасность потерять свою просвѣщающую и совершенствующую человѣческое существо роль. Конечно, тѣ же тенденціи отражаются и въ современной «психологіи безъ души», нарушая связь и единство въ нашемъ знаніи о собственномъ существѣ и угрожая разбить это знаніе на столько же самостоятельныхъ дисциплинъ, сколько окажется различныхъ способовъ его изслѣдованія. Но кромѣ этого я могу сдѣлать еще и другой немаловажный упрекъ современной позитивной психологіи въ томъ, что, отрицая субстанціальность души, она вовсе не затрогиваетъ весьма важныхъ и интересныхъ для человѣка вопросовъ о *мысли* и *значеніи* нашего существа или субстанции въ цѣлой системѣ міра или же о судьбѣ нашего существованія до того пункта, который мы называемъ своею жизнью, и послѣ него. А между тѣмъ для мыслящаго разума человѣческаго есть возможность рѣшать эти вопросы съ не меньшею основательностью, чѣмъ, напр., въ физикѣ рѣшаются вопросы о будущей судьбѣ солнечной системы или вообще матеріальной вселенной. Но, можетъ быть, кто-нибудь подумаетъ, что, принося въ жертву духу позитивизма эти вопросы, современная «психологія безъ души» выигрываетъ за то во многихъ другихъ отношеніяхъ! Кто-нибудь можетъ подумать, что послѣ изгнанія вся-

ческих метафизических проблемъ современная психологія заключаетъ въ себѣ только *достоверныя, точныя* положенія; что все ея научное содержаніе пользуется безспорною *общепризнанностью* со стороны всѣхъ современныхъ психологовъ, что методъ ея изслѣдованій, выраженіе и формулировка ея положеній *однообразны* и не заключаютъ въ себѣ ничего субъективнаго, принадлежащаго отдѣльнымъ ученымъ и составляющаго продуктъ ихъ индивидуальныхъ предположеній, догадокъ и остроумія?! Наконецъ, кто-нибудь можетъ подумать, что у современной психологіи есть *неизмѣнныя основныя истины* и *критеріи*, при помощи которыхъ она можетъ повѣрять и направлять свои изслѣдованія и выводы, какъ, напр., дѣлаютъ то естественныя науки при помощи неизблемыхъ истинъ математики и механики!? Что касается до меня, то я нисколько не раздѣляю такихъ воззрѣній и считаю ихъ иллюзіями. Не только современная «психологія безъ души» не отличается особою достоверностью и точностью, но я вижу большія колебанія и разногласіе даже въ такихъ капитальныхъ пунктахъ, какъ вопросъ о главныхъ классахъ психическихъ явленій. Такъ, напр., одни современные психологи отрицаютъ существованіе воли, какъ особаго класса психическихъ явленій, и ограничиваютъ составъ душевныхъ явленій областью познавательною и чувствовательною; другіе же признаютъ не только реальность области воли, но даже считаютъ ее преобладающею надъ другими областями. Точно также я вижу полное разногласіе и въ томъ, что одни основою всей психической жизни считаютъ познаніе, другіе—чувство, третьи—волю. Въ такъ-называемой фізіологической психологіи у разныхъ современныхъ писателей проводятся существенно различныя взгляды на отношеніе и зависимость однихъ явленій отъ другихъ. У многихъ представителей фізіологической психологіи реальное значеніе имѣютъ только фізіологическія явленія, а зависящія отъ нихъ психическія явленія не имѣютъ никакой реальности и представляютъ какую-то совсѣмъ «побочную прибавку» къ фізіологическимъ явленіямъ или «излишнюю роскошь», »*epiphé-
poemen*», какъ выражаются нѣкоторые, нѣчто вродѣ отраженія или тѣни отъ реального движенія молекулъ мозга. Такіе фізіологическіе психологи утверждаютъ, что реальный міръ *былъ-бы тѣмъ же самымъ*

если-бы въ немъ и вовсе не было никакихъ мыслей, чувствъ и желаній. Очевидно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ чистѣйшимъ матеріализмомъ, только прикрывающимся якобы научными терминами. Впрочемъ, нѣкоторые болѣе послѣдовательные писатели этого направленія такъ прямо и говорятъ, что психологія не есть особая наука и представляетъ не болѣе, какъ главу изъ фізіологіи мозга. Но однако не всѣ фізіологическіе психологи держатся такихъ *радикальныхъ и послѣдовательныхъ* взглядовъ на отношеніе фізіологическихъ и психическихъ явленій; есть болѣе умѣренные, которые считаютъ вторыя въ большей или меньшей степени независящими отъ первыхъ и даже допускаютъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ психическія явленія могутъ быть причинами фізіологическихъ. Въ последнее время, особенно подѣ вліяніемъ гипнотическихъ опытовъ и изслѣдованій можно отмѣтить у нѣкоторыхъ писателей даже тенденцію признать преобладаніе въ причинномъ отношеніи психическихъ явленій надъ фізіологическими *).—Точно также я могу указать на разно-

*) Въ подтвержденіе этихъ словъ Сократа я съ своей стороны могъ бы указать на примѣры двухъ французскихъ мыслителей, Дельбѣфа и Фуллѣ, которые весьма расширяютъ сферу вліянія духа на матерію. Въ особенности же перенесена причинность въ область психическую у Фуллѣ въ его теоріи «идей-силъ». Что касается до меня, то хотя вообще я весьма сочувствую философіи Фуллѣ, но все-таки не могу помириться въ ней съ слѣдующими пунктами. Такъ, Фуллѣ все еще не можетъ отдѣлаться отъ реального бытія матеріи и неизбѣжныхъ при этомъ затрудненій, вообще свойственныхъ дуализму. Далѣе, у него нѣтъ ясно выраженнаго признанія индивидуальныхъ субстанцій вообще и человѣческой субстанціи въ частности. Но, не смотря на это, я позволю себѣ рекомендовать,—для тѣхъ читателей «Своего Слова», которымъ это возможно,—прочестъ въ первомъ томѣ «Revue philosophique» за 1890 годъ рядъ статей А. Fouillée: «L'évolutionisme des idées-forces». Въ нихъ читатели найдутъ, между прочимъ весьма талантливую критику или прямо и откровенно матеріалистическихъ воззрѣній, или же скрывающихся подѣ именами позитивизма, науки и т. п., въ особенности же обращаю вниманіе читателей на третью статью этого сочиненія въ апрѣльской книжкѣ 1890 года, которая написана съ удивительною глубиною и энергіей. Но, не смотря на это, внима-

гласіе въ современной «психологіи безъ души» и въ понятіи опытной психологіи. Одни понимаютъ ее только въ смыслѣ *описательной* науки, т. е., что задачи ея исчерпываются описаніемъ и классификаціей доступныхъ наблюденію психическихъ явленій. Что же касается до ихъ происхожденія изъ первоначальныхъ фактовъ или явленій, то эта описательная психологія считаетъ такую задачу неразрѣшимою и могущею привести только къ не подлежащимъ провѣркѣ произвольнымъ гипотезамъ. Другіе же психологи-эмпирики считаютъ психологію *объяснительною наукою*, для которой объясненіе происхожденія явленій обязательно. Въ экспериментальной психологіи мы встрѣчаемъ разногласіе какъ въ самихъ приѣмахъ эксперимента, такъ и въ границахъ его приложенія къ психическимъ явленіямъ. Одни стоятъ за весьма широкое его примѣненіе, другіе допускаютъ его только въ ограниченныхъ размѣрахъ. Въ настоящее время пріобрѣтаетъ господство мысль о почти *безграничной* возможности приложенія эксперимента въ психологіи при посредствѣ гипотизма. Наконецъ, въ психо-фізикѣ въ настоящее время между учеными существуетъ разногласіе какъ въ методахъ количественнаго измѣренія психическихъ явленій, такъ и въ мнѣніяхъ о сте-

тельный читатель можетъ усмотрѣть, что все таки у Фуллье нѣчто недостаетъ для полнаго убѣжденія въ поддерживаемомъ имъ воззрѣніи, что истинныя причины явленій, наполняющихъ міръ, заключаются не во внѣшнемъ, матеріальномъ мірѣ, сводящемся къ движенію матеріальныхъ тѣлъ и частицъ, а въ психическихъ силахъ, открывающихся намъ во внутреннемъ мірѣ нашего сознанія. Тѣ затрудненія, съ которыми борется Фуллье и которыя онъ съ большимъ остроуміемъ преодолеваетъ, мгновенно устраняются и превращаются въ нуль, какъ скоро матерія будетъ признана не реальностью и какъ скоро матеріальныя движенія, въ которыхъ якобы обнаруживается реальность вещества, будутъ поняты, подобно мыслямъ, чувствамъ и желаніямъ, явленіями психическими. Иначе говоря, если мы къ прежде признаваемымъ душевнымъ дѣятельностямъ: познавательной, чувствовательной и желательной, прибавимъ еще и двигательную, обнаруживающуюся въ ощущеніяхъ, то дуализмъ духа и тѣла окончательно исчезаетъ. Это сочиненіе Фуллье вышло и отдѣльной книжкой. Прим. редактора.

пени доступности измѣренію различныхъ психическихъ состояній, и далѣе, разногласіе—въ формулахъ и законахъ, относящихся къ этому измѣренію. Однимъ словомъ, не смотря на научность и даже естественно-научность, эмпиричность, позитивность и т. п. современной «психологіи безъ души», не смотря даже на психологическія лабораторіи, мы встрѣчаемъ такое разногласіе и разнообразіе въ приемахъ изслѣдованій, въ опредѣленіи понятій и вообще въ содержаніи этой психологіи, что нужна значительная затрата силъ и многіе годы труда, чтобы человѣкъ могъ ориентироваться во всемъ этомъ разбродѣ мнѣній и выработать для себя хотя бы нѣсколько положеній о душевной жизни, которыми можно было бы руководиться въ жизни. Что же касается до пресловутыхъ лабораторій, то хотя онѣ, по основной идеѣ своей, учрежденія полезныя, но, при позитивистическомъ характерѣ психологіи, онѣ, пожалуй, могутъ послужить и въ ущербъ истинной наукѣ, побуждая лабораторныхъ психологовъ громоздить цифры на цифры, таблицы на таблицы и совершенно утонуть въ мелочныхъ вопросахъ и частныхъ изслѣдованіяхъ, которыя уже совсѣмъ не дадутъ понятія не только о душѣ, какъ субстанціи, но даже и о душѣ, какъ «совокупности психическихъ явленій».

«Но, однако, я, по поводу психографіи и психометріи ужь слишкомъ отвлекся въ сторону отъ того, объ чемъ мы разсуждали, а именно о происхожденіи идеи пространства, а потому немедленно и возвращаюсь къ изложенію этого предмета.

Я. Не можете-ли вы, Сократъ Ивановичъ, въ вашемъ изложеніи, слѣдуя примѣру Канта, сблизить теорію происхожденія идеи пространства съ вашею теоріею происхожденія идеи времени, такъ чтобы одна теорія служила какъ-бы иллюстраціей другой.

Сократъ. Постараюсь исполнить это ваше желаніе, только долженъ предварительно сдѣлать важное замѣчаніе, что Кантъ въ отождествленіи какъ значенія идей пространства и времени, такъ и происхожденія этихъ двухъ формъ, зашелъ слишкомъ далеко и даже впалъ въ заблужденія, на которыя я и укажу въ надлежащихъ мѣстахъ своего изложенія. Главная *общая черта* обѣихъ идей. по моему, состоитъ въ томъ, что онѣ не суть выраженія какихъ

либо реальныхъ субстанцій или ихъ свойствъ. Онѣ суть вполнѣ продукты дѣятельности нашего мышленія и воображенія, или иначе онѣ суть не что иное, какъ *порядки, въ которыхъ мы понимаемъ и располагаемъ наши внутреннія состоянія и представленія*. Существенная-же разница между ними состоитъ въ томъ, что идеѣ времени подчиняются *всѣ*, безъ исключенія, наши психическія состоянія, идеѣ же пространства подчиняется только сравнительно весьма *малая часть* ихъ, а именно: только ощущенія чувствъ осязанія и зрѣнія. Весь нашъ психическій міръ, т. е., наши мысли, чувства и желанія, не имѣютъ мѣста или не пространственны. Испытываемая нами, напр., ненависть къ какому либо предмету А не находится вправо, влѣво, спереди, сзади, вверху, внизу относительно испытываемой нами любви къ другому предмету В. Точно также наше понятіе науки не находится рядомъ или подлѣ нашего чувства любви къ наукѣ и т. п. Затѣмъ даже въ области ощущеній множество внутреннихъ и внѣшнихъ ощущеній не имѣютъ пространственного мѣста и положенія. Голодъ не находится вверху или внизу жажды, запахъ розы не лежитъ рядомъ съ запахомъ фіалки и т. п.

«Но кромѣ различія въ количествѣ психическихъ состояній, подлежащихъ формамъ времени и пространства, другое важное между ними различіе состоитъ въ томъ, что въ идею пространства уже входитъ *implicite* идея времени, а въ идею времени идея пространства не входитъ. Пространство есть прежде всего *одновременность*, но однако оно ни коимъ образомъ не можетъ быть сведено на время, хотя къ тому и есть нѣкоторыя тенденціи въ англійской психологіи. Одновременное, но совершенно тождественное ощущеніе, напр., одного какого нибудь цвѣта и одинаковой его интенсивности, никогда не повело бы къ идеѣ пространства и только сознавалось бы, какъ безпространственное ощущеніе цвѣта.

Я. Какъ же это? Вѣдь, мы рѣшительно не можемъ представить себѣ цвѣтъ, который бы не занималъ какой-нибудь опредѣленной поверхности.

Сократъ. Конечно, мы не можемъ себѣ этого представить, но тогда, когда у насъ уже образовалась идея пространства. Но первоначально, если-бы даже и возможно было созерцаніе полусферы

совершенно тождественнаго и одинаковой интенсивности цвѣта, которую мы озираемъ разомъ, то до образованія идеи пространства эта полусфера дала бы такое же безпространственное ощущеніе, какъ безпространственныя ощущенія какого-либо звука или запаха. Послѣ же образованія у насъ идеи пространства мы уже не только не можемъ имѣть безпространственнаго ощущенія цвѣта, но даже несомнѣнно безпространственные звуки, запахи, ощущенія тепла, холода и проч. локализируемъ, т. е. понимаемъ ихъ находящимися и исходящими изъ тѣхъ мѣстъ, которыя занимаютъ предметы, производящіе, по нашему предположенію, какой-либо звукъ, запахъ или тепло и т. п. Значитъ, источникомъ идеи пространства служить *одновременное* зрительное или осязательное ощущеніе многихъ или, по крайней мѣрѣ, двухъ *различныхъ* качествъ. Но однако и этого все-таки мало для происхожденія идеи пространства! Необходимо, чтобы различныя качества созерцались вмѣстѣ нѣкоторое болѣе или менѣе продолжительное время, т. е., чтобы одно не исчезало изъ сознанія тогда, какъ наступило другое. Наши чувствованія, напр., не ведутъ къ пространственности главнымъ образомъ потому, что одновременно различныя чувства могутъ быть въ сознаніи только на самыя короткія мгновенія. Всякое чувство стремится наполнить собою, такъ сказать, все поле сознанія и вытѣснить всѣ другія, ему противодѣйствующія и съ нимъ несогласныя состоянія. Изъ всѣхъ нашихъ чувственныхъ ощущеній только зрительныя въ болѣе сильной степени и осязательныя въ менѣе сильной способны сравнительно долгое время оставаться неизмѣнными въ нашемъ сознаніи. Поэтому то обыкновенно зрѣніе и осязаніе и считаются *объективными* чувствами, что, принимая въ соображеніе господствующую научную терминологію, значитъ не болѣе, какъ то, что на основаніи этихъ чувствъ познаются пространственные (т. е. quasi—реальные) образы вещей. Но и этого всего мало для образованія идеи пространства. Животныя и маленькія дѣти, конечно, видятъ и осязаютъ одновременно различныя качества, но однако о пространствѣ ничего не знаютъ.

Синайскій. Я какъ-то не совсѣмъ это понимаю. Вѣдь, животныя,—положимъ, собака,—видятъ различныя фигуры людей и животныхъ:

напр., одна собака видитъ пеструю шкуру какой-либо другой собаки и иногда видитъ ее постоянно. Конечно, эта видимая шерсть образуетъ для нея поверхность, какъ и для насъ: значить, она видитъ поверхность, т. е. пространство.

Сократъ. Совершенно вѣрно, что животныя видятъ *цвѣта* и могутъ видѣть одновременно нѣсколько различныхъ и различной интенсивности цвѣтовъ. Но, во первыхъ, въ силу преобладанія у животныхъ чувствъ и волненій, они съ гораздо меньшимъ, чѣмъ даже дѣти вниманіемъ останавливаются вообще надъ цвѣтами, а во вторыхъ, у нихъ нѣтъ самаго главнаго условія для образованія идеи пространства, которое есть только у человѣка, хотя ребенку оно принадлежитъ еще потенціально. Я разумѣю человѣческое мышленіе, которое есть *специфическій источникъ* для идеи пространства. Человѣкъ не только удерживаетъ въ сознаніи одновременно гораздо продолжительнѣе и прочнѣе различныя качества чувствъ зрѣнія и осязанія въ соединеніи съ мускульнымъ, но кромѣ того онъ эти качества въ своемъ сознаніи *относитъ другъ къ другу, мыслитъ ихъ* въ этомъ ихъ взаимномъ *отношеніи* и eo ipso распредѣляетъ ихъ въ особый *специфическій порядокъ*, который мы выражаемъ словами: *подлѣ, рядомъ, одно внѣ другого* и т. п. Такимъ образомъ, сущность идеи пространства, состоящая изъ одновременности ощущаемыхъ или представляемыхъ качествъ и далѣе изъ ихъ несліянности или раздѣльности въ сознаніи и изъ ихъ подчиненія особому порядку, по которому, одно качество внѣ другого,—сущность этой идеи исходитъ *не изъ* нашей способности ощущать вообще (видѣть и осязать) или изъ способности за-разъ ощущать два и болѣе качествъ, что доступно и животному, — *а изъ* нашей человѣческой способности мыслить или объединять въ сознаніи различныя наши акты съ особой точки зрѣнія, которая и составляетъ содержаніе идеи пространства.

«Затѣмъ мнѣ остается по поводу вашего замѣчанія сказать еще два слова. По моему не только собака или вообще животное не видятъ, въ строгомъ смыслѣ слова, поверхностей или тѣлъ, но даже и мы не видимъ этого. И мы, и собаки видимъ *только цвѣта*,

а по цвѣтамъ мы безсознательно строимъ и поверхности, и тѣла, и проч. пространственныя отношенія... Но мнѣ удобнѣе будетъ высказаться подробнѣе объ этомъ тогда, когда мы поднимемъ вопросъ о такъ-называемомъ внѣшнемъ матеріальномъ мірѣ...

Серебрякова. (Къ Сократу). Не можете ли вы мнѣ на этомъ мѣстѣ пояснить ваше утвержденіе, что идею пространства производить именно наша субстанція.

Сократъ. Я нахожу, что этотъ пунктъ нашего разговора весьма удачно выбранъ вами для вашего вопроса, и считаю сравнительно легкимъ отвѣтить теперь на него.

«Итакъ, первый основной элементъ идеи пространства или одновременность, какъ мы это уже знаемъ изъ теоріи времени, можетъ быть пичѣмъ инымъ какъ идеей нѣкоего мыслящаго субъекта, т. е., именно насъ, человѣческихъ субстанцій. Сами одновременныя качества, напр., красное и синее, ничего не знаютъ ни о себѣ, ни о томъ, что они существуютъ въ одно время. Точно также объ этомъ ничего не могутъ знать клѣточки или центры мозга, если даже и предположить, что въ клѣточкахъ какъ либо находятся,—(улыбаясь) лежатъ, сидятъ, стоятъ,—какъ угодно—качества красного, синяго и проч. Точно также ничего не знаютъ объ одновременности волны эфира, отъ которыхъ по теоріямъ физики, происходятъ цвѣта. Далѣе нужно, чтобы одновременныя качества, напр., цвѣта, красный и синій, были признаны однимъ и тѣмъ же субъектомъ, ибо если бы субъекты были разные, т. е., напр., одна клѣточка признавала бы красный цвѣтъ, а другая—синій, то у нихъ не было бы признанія объ одновременности двухъ различныхъ цвѣтовъ. Далѣе признаваемые качества нужно кому-нибудь *отнести другъ къ другу* и нужно кому-нибудь *понять*, что это отношеніе есть совершенно особаго рода, что оно есть: *подлѣ*, а не *послѣ*, или *потому что*. Потомъ для того, чтобы изъ всего вышесказаннаго образовалась идея пространства, все это—долженъ *соединить въ своемъ сознаніи* кто либо одинъ. Этотъ одинъ и есть, не какіе-то многіе, которые гдѣ-то (въ мозгу что-ли?) слагаются въ мнимую позитивистическую «совокупность», а *наша субстанція, или душа, и ошущающая качества, и удерж-*

живающая ихъ со вниманіемъ одновременно, и относящая ихъ другъ къ другу, и мыслящая всѣ эти свои акты заразъ въ одномъ единомъ цѣломъ, въ одной идеѣ.

«Теперь, указавши на образованіе общей идеи пространства, я скажу о дальнѣйшемъ развитіи этой идеи и, вслѣдствіе этого развитія, на возникновеніе на ея почвѣ различныхъ пространственныхъ понятій, которыя дѣлаются основою даже цѣлыхъ отдѣльныхъ наукъ, напр., геометріи, и вызываютъ разные, касающіеся цѣлаго міра, вопросы, постоянно затруднявшіе философовъ. Одно изъ такихъ важныхъ пространственныхъ понятій есть понятіе *направленія* и далѣе *измѣренія*. Это понятіе возникаетъ изъ того, что, когда мы имѣемъ въ сознаніи одновременно различныя качества, напр., цвѣта, то мы естественно, въ силу разныхъ причинъ, можемъ *останавливаться* на нѣкоторыхъ изъ этихъ качествъ *со вниманіемъ*, при чемъ переносимъ это свое вниманіе съ одного на другое, третье, четвертое и т. д. Такимъ образомъ у насъ въ сознаніи образуется рядъ одновременно существующихъ качествъ, на которыя мы обращали послѣдовательно вниманіе. При этомъ обзорѣніи ряда для нашей мыслящей и объединяющей дѣятельности можетъ быть важнымъ, помимо содержанія каждаго изъ возбуждающихъ вниманіе членовъ, и сознаваемый нами переходъ отъ одного къ другому и при томъ въ порядкѣ отъ перваго члена къ послѣднему, а также и обратно отъ послѣдняго къ первому. Тогда у насъ образуется понятіе линіи или объединенія нашею мыслью актовъ послѣдовательнаго перехода отъ однихъ членовъ ряда къ другимъ. Иначе говоря, первоначальное понятіе линіи есть не что иное, какъ *сознаніе объ нашей дѣятельности*, когда мы, не забывая перваго члена, переходимъ къ другому, третьему, четвертому и всѣ ихъ мыслимъ въ *одновременномъ* ряду. Въ понятіи этой линіи, какъ пространственнаго порядка въ направленіи дѣятельности нашего вниманія, или *перваго измѣренія*, еще вовсе нѣтъ тѣхъ элементовъ, по которымъ ее можно было-бы назвать прямою или кривою линіей, потому что эти понятія развиваются только послѣ выработки понятія поверхности и сравненія ея направленій.

«Идея второго измѣренія возникаетъ вслѣдствіе того, что наше вниманіе можетъ быть возбуждено какимъ-либо 'пунктомъ внѣ уже пройденной и объединенной нашимъ мыслящимъ сознаниемъ первой линіи. Но, такъ какъ такой, такъ сказать, прыжокъ вниманія внѣ первой линіи можетъ быть отъ каждаго члена ея, то возможно, что въ нашемъ сознаниі образуются нѣсколько новыхъ направлений или линій, примыкающихъ къ различнымъ пунктамъ перваго ряда или направленія. Но, такъ какъ, во всѣхъ этихъ новыхъ направленіяхъ есть одна *общая* черта, что всѣ ихъ пункты или объекты находятся внѣ перваго направленія или первой линіи и при томъ такъ, что каждый пунктъ каждаго направленія можетъ быть одинаково достигнутъ, прямо исходя изъ любого пункта этой первой линіи, то отсюда очень естественно всѣ эти новыя направленія соединяются мышленіемъ въ одну систему, которая и называется нами *вторымъ измѣреніемъ*. Но, подобно первому, это второе измѣреніе первоначально вовсе не сознается какъ прямая или кривая поверхность. Эти понятія образуются позже, когда къ идеѣ направленія *привзойдетъ идея величины*, а слѣдовательно и идея различія направлений по величинѣ...

Я. Не смотря на вниманіе, съ которымъ я слѣдилъ за этимъ вашимъ выводомъ идеи пространства, я вообще ничего не могу возразить противъ него относительно общей идеи пространства. Я не только согласенъ съ тѣмъ, что главное содержаніе ея не дается ощущеніями, но что оно возникаетъ, только благодаря точкѣ зрѣнія, съ которой мы, какъ мыслящія существа, *понимаемъ, распредѣляемъ и объединяемъ акты* нашей ощущающей дѣятельности, зрительной и осязательной. Но вашъ выводъ понятія направленія, а далѣе измѣреній пространства мнѣ что-то кажется сомнительнымъ, и я боюсь не заключается ли въ немъ какой либо ошибки, на которую, впрочемъ, указать и пазвать я затруднился-бы...

Сократъ. Если вообще теорія образованія въ насъ идеи пространства всегда въ философіи была сопряжена съ большими затрудненіями, то особенно трудно, по моему, объяснить и вывести понятіе измѣреній. По крайней мѣрѣ, попытки этого вывода, какіе

мнѣ встрѣчались, начиная съ Лейбница и Канта, были неудачными *). Что-же касается до вывода, который я сейчасъ вамъ предложилъ, и который естественно возбуждаетъ ваше недовѣріе уже по одной его необычности, то сущность его состоитъ въ томъ, что какъ пространство, такъ и измѣренія его созидаются дѣятельностью нашего мышленія. Къ непространственнымъ элементамъ ощущенія мышленіе привноситъ свой актъ, состоящій въ точкѣ зрѣнія, которая не дана въ актахъ ощущенія и сообщаетъ содержанію этихъ актовъ нѣчто совершенно новое, такъ сказать, особаго рода реальность, т. е., *пространственный смыслъ ощущаемаго*. Но мышленіе, говоря фігурально, не успокоивается на томъ, что вноситъ этотъ новый элементъ въ ощущеніе, но разрабатываетъ все далѣе и далѣе свою точку зрѣнія, вслѣдствіе чего постепенно возникаютъ все новыя понятія или, какъ-бы частности общей точки зрѣнія, скрывавшіяся въ ней до этой разработки. Этотъ процессъ развитія и углубленія нашимъ мышленіемъ пространственной точки зрѣнія или категоріи совершается посредствомъ вниманія, которое, психологически, и есть не что иное, какъ болѣе ясное сознаніе нашей субстанціи о своей мыслительной дѣятельности или объ усиліяхъ для пониманія подлежащихъ ей и познаваемыхъ ею объектовъ. Вотъ эти то все новые и новые акты нашего мышленія, обозначающіеся въ сознаніи вниманіемъ, обыкновенно не отмѣчаются и надлежащимъ образомъ не оцѣниваются нами, а потому мы, вмѣстѣ съ сенсуалистами, всегда и готовы приписать содержаніе и этихъ актовъ на ряду съ содержаніемъ актовъ ощущенія воздѣйствію внѣшнихъ предметовъ или силъ, которыя, *«посылаютъ впечатлѣнія»* въ насъ, въ мозгъ и т. п. Мы не различаемъ простаго сознанія отъ вниманія, а потому и думаемъ, что въ общей идеѣ пространства уже заключается и идея пространственныхъ измѣреній, подобно тому какъ для сенсуалистовъ кажется, что въ ощущеніяхъ уже заключается общая идея

*) О выводѣ Лейбница и Канта см. въ моей книгѣ: «Генезисъ теоріи пространства и времени Канта», стр. 87.

пространства. Отсюда неизбежно слѣдуетъ, что когда мы пропустимъ тѣ особые акты мышленія, о которыхъ я сейчасъ говорилъ, то и не можемъ сдѣлать надлежащаго вывода понятія измѣренія и если дѣлаемъ его, то дѣлаемъ мнимо, при посредствѣ какой либо ошибки или софизма. Что касается до кантіанизма или вообще нативизма, то ихъ положеніе въ этомъ отношеніи гораздо выгоднѣе, ибо при предположеніи, что пространственное созерцаніе какъ либо дано а priori, можно и не заботиться о выводѣ понятій измѣренія, разстоянія, положенія и проч. Мнѣ кажется, что и ваше недоумѣніе имѣетъ свой корень въ вашей привычкѣ къ воззрѣніямъ Канта. Указанный мною выводъ, можетъ быть, кажется вамъ излишнею тонкостью. Если разъ, думается вамъ, пріобрѣтена идея пространственности, то уже и нѣтъ надобности останавливаться и задумываться надъ измѣреніями и другими пространственными понятіями; они образуются какъ-бы сами собой... Но теперь я обращаюсь къ другому пространственному понятію, именно, къ понятію протяженія.

«Слово: *протяженіе* или *протяженность*, почти вездѣ и всегда употребляется синонимически съ словомъ: пространство, между тѣмъ какъ это есть смѣшеніе понятій, ибо пространство и протяженіе должны быть различаемы. Въ понятіи протяженія или протяженности мыслится элементъ количества; пространство-же вовсе *не есть количество*. Какъ мы уже прошлый разъ видѣли это относительно времени, пространство само по себѣ ни мало, ни велико, вообще величины не имѣетъ. Такое утвержденіе, конечно, покажется весьма страннымъ, потому что мы слишкомъ привыкли включать во всякое пространство ясную или не ясную мысль объ его величинѣ. Но если мы только вспомнимъ, что величины не можетъ быть иначе, какъ путемъ сравненія, путемъ измѣренія одного пространства другимъ—опредѣленнаго или неопредѣленнаго измѣренія, это все равно—то для насъ сейчасъ-же станетъ понятно, что въ идеѣ пространства вовсе не заключается идеи его измѣренія и сравненія. Это различіе, почти не сознаваемое нами, весьма хорошо, хотя и инстинктивно, сохраняется въ языкѣ; мы никогда не скажемъ,

что вещи имѣютъ пространство, а напротивъ говоримъ, что вещи имѣютъ протяженіе или протяженность. Однимъ словомъ, когда у насъ образуется идея направленія, требуется еще *особый актъ мышленія*, въ которомъ мы одно пространство сравнивали-бы съ другимъ и выражали-бы результатъ этого сравненія съ точки зрѣнія (категоріею) величины или количества, т. е., мыслили-бы одно пространство большимъ или мѣньшимъ другого. Поэтому мы должны допустить у дѣтей такой періодъ, когда они имѣютъ, хотя, можетъ быть, и не вполне ясно сознаваемую, идею пространства вообще, но еще не имѣютъ никакого сознанія, напр., о томъ, что все видимое ими небо больше какого нибудь отрѣзка его, что стѣна дома больше окна, что лошадь больше собаки и т. п. Только постепенно сравниваются другъ съ другомъ пространства и вырабатывается понятіе большаго или меньшаго протяженія и въ разныхъ направленіяхъ. Поэтому Кантъ ошибочно опредѣляетъ пространство, когда онъ, разумѣя образъ пространства, производимый нашимъ мышленіемъ и фантазіей, говоритъ, что пространство есть *a priori* данная намъ величина, да еще безконечная величина.

«Только когда мы станемъ прилагать категорію количества къ пространственному созерцанію, можемъ мы путемъ долгихъ опытовъ и сравненій различать и понимать направленія или измѣренія, въ качествѣ прямыхъ или кривыхъ линій. Когда мы достигаемъ во многихъ направленіяхъ отъ одного пункта къ другому всего скорѣе, т. е., черезъ меньшіе промежутки времени или черезъ меньшее количество посредствующихъ между этими пунктами членовъ, то у насъ въ результатъ этихъ сравненій окажется отличіе въ томъ, что одна линія короче всѣхъ другихъ, т. е., что, по ея направленію, можно всего скорѣе достигнуть отъ одного пункта какого-либо ряда до другого пункта. Тогда у насъ образуется понятіе прямой или ближайшей въ противоположность кривымъ или дальнѣйшимъ. Обыкновенно думаютъ, что понятіе прямой линіи уже включаетъ въ себѣ понятіе кратчайшаго разстоянія, такъ что второе можно вывести изъ перваго аналитически, а между тѣмъ дѣло происходитъ совершенно наоборотъ: мы сперва вырабатываемъ понятіе самаго

короткаго разстоянія сравнительно съ другими длиннѣйшими, а потомъ уже образуемъ общее понятіе прямой линіи. «Прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками» есть логически не первое положеніе, а второе; первое-же будетъ обратное, т. е. «самое короткое разстояніе между двумя точками и есть прямая».

«Но въ то время, какъ наша мыслящая дѣятельность все тверже и яснѣе устанавливаетъ сознаніе объ отношеніи тѣхъ системъ направленій, которыя входятъ въ понятіе поверхности, наше вниманіе можетъ быть возбуждаемо *новымъ элементомъ*, а именно качествами, которыя, говоря фігурально, приходятъ къ поверхности извнѣ и не могутъ быть прямо включены въ нее. Эти привходящія качества въ свою очередь снова вызываютъ дѣятельность нашего мышленія для объединенія ихъ въ одно цѣлое съ понятіемъ поверхности при помощи новаго понятія о системѣ направленій, называемой *третьимъ измѣреніемъ*. Это привхожденіе новыхъ качественныхъ элементовъ есть не что иное, какъ слѣдствіе того явленія, которое мы называемъ движеніемъ, при чемъ все равно, будемъ ли мы разумѣть подъ нимъ наше собственное движеніе или движеніе другихъ вещей. Конечно, необходимымъ условіемъ образованія понятія 3-го измѣренія должно быть то, чтобы мы, обращая вниманіе на вновь привходящіе къ нашему созерцанію, при посредствѣ движенія, качества, не теряли сознанія о качествахъ, составляющихъ поверхность, ибо только путемъ отнесенія къ ней и сравненія съ ней этихъ новыхъ пунктовъ созерцанія возбуждается потребность объединить ихъ въ новое, аналогичное прежнимъ, понятіе 3-го измѣренія, а потомъ соединить его съ понятіемъ 2-хъ измѣреній въ одно цѣлое, т. е., понятіе трехмѣрнаго пространства, называемаго нами *тѣломъ*.

Синайскій. Извините, Сократъ Ивановичъ, если я перерву васъ своимъ замѣчаніемъ. Значить, въ образованіи идеи пространства принимаетъ участіе, не только, какъ вы выше указывали, то понятіе времени, которое называется *одновременностью*, но, сообразно вашей дедукціи 3-го измѣренія пространства и то понятіе, которое называется *разновременностью*.

Сократъ. Вполнѣ согласенъ съ вашимъ замѣчаніемъ! Та перемѣна въ созерцаемомъ пространствѣ, которая подаетъ поводъ мышленію перейти отъ двухъ измѣреній къ третьему, совершается во времени, а, слѣдовательно, пользуется вполнѣ составными элементами этой идеи. Сперва чувственный образъ, напр., зрительный, созерцается на поверхности неизмѣннымъ, а потомъ видоизмѣняется присоединеніемъ къ нему привходящихъ чрезъ движеніе качествъ и приводитъ къ пространственному образу 3-хъ измѣреній. Но теперь я обращусь къ *дальнѣйшему* образованію и развитію идеи пространства.

«Подобно времени, пространство есть также *перспективный порядокъ*, въ которомъ мы понимаемъ и располагаемъ свои состоянія, происходящія вслѣдствіе нашей ощущающей дѣятельности, а именно трехъ самыхъ важныхъ ея чувствъ: мускульнаго, осязанія и зрѣнія, которыя стоятъ въ болѣе тѣсной связи другъ съ другомъ, чѣмъ съ остальными чувствами. Какъ мы видѣли уже это, говоря о времени, и въ развитіи идеи пространства можно отмѣтить *субъективную и объективную* стадію этого развитія. Въ субъективной стадіи всѣ пространственныя понятія и характеристики, выражаемыя словами: *подлѣ, рядомъ, тутъ, тамъ, близко, далеко, справа, слева, спереди, сзади, сверху, снизу* и проч. и проч., случайны и непостоянны, ибо находятся въ полной зависимости отъ смѣняющихся различій въ мѣстѣ и положеніи мыслящаго субъекта какъ въ *метафизической* системѣ существъ, такъ и въ *физической* системѣ матеріальныхъ тѣлъ, которая есть не что иное, какъ образъ и символъ первой. Весьма интересно наблюдать, какъ отражается эта измѣнчивость и относительность нашихъ субъективныхъ пространственныхъ опредѣленій въ сознаніи дѣтей, уже нѣсколько овладѣвшихъ разговорнымъ языкомъ! Привыкнувъ къ тому, что каждымъ словомъ начинается болѣе или менѣе опредѣленно одна и та же вещь, дѣти какъ-бы стараются поймать постоянно ускользающія отъ нихъ эти таинственныя: вчера, завтра, тутъ и тамъ, или направо, налево и проч. и добиваются узнать отъ старшихъ, гдѣ они находятся и куда дѣваются.

«Но по мѣрѣ того, какъ развивается наша дѣятельность пространственного созерцанія, и мы все болѣе и болѣе наполняемъ наше субъективное пространство безсознательно создаваемыми образами вещей, мало по малу пространственному порядку подчиняются, кромѣ зрительныхъ и осязательныхъ, и акты всѣхъ другихъ нашихъ дѣятельностей ощущенія, какъ-то запахи, вкусы, звуки, всѣ внутреннія ощущенія (голодъ, жажда и проч.). На раннихъ стадіяхъ развитія личнаго и общественнаго мы даже упорно пытаемся размѣстить въ пространствѣ нашего тѣла и совсѣмъ не заключающіе въ себѣ ничего чувственного продукты другихъ нашихъ психическихъ дѣятельностей, каковы: мысли, чувства или волненія и желанія. Параллельно съ этимъ распространеніемъ и переносомъ субъективнаго пространственного порядка на всѣ области нашей дѣятельности, происходитъ и переходъ идеи пространства изъ субъективной стадіи развитія въ *объективную*. По мѣрѣ того, какъ развиваются и расширяются соприкосновенія людей между собою и съ другими существами, животными, растеніями и проч., все настоятельнѣе заявляетъ въ насъ о себѣ потребность, чтобы каждый замѣнилъ свои частныя, индивидуальныя пространственныя опредѣленія общепризнанными, имѣющими силу для многихъ людей, принадлежащихъ вмѣстѣ съ нимъ, въ томъ или другомъ отношеніи, къ какой-либо одной группѣ (семья, племя, народъ, человечество и проч.). Въ силу этой потребности наши пространственныя опредѣленія: направо, налево, тутъ, тамъ, близко, далеко, вверху, внизу и проч., каждое мгновеніе измѣняющіяся въ перспективѣ каждаго единичнаго субъекта, становятся все постояннѣе и прочнѣе, постепенно дѣлаясь тождественными для обитателей одного дома, одной области, одного государства, одной части свѣта, одной планеты и т. д. Конечно, въ установкѣ этой тождественности играютъ самую важную роль наши многія науки, какъ, напр., геометрія, географія, астрономія и т. п.

«Въ этомъ процессѣ развитія идеи пространства въ объективной стадіи мыслящій субъектъ все болѣе и все полнѣе *отрывается*, или освобождается отъ тѣхъ состояній сознанія, которыя подавали

ему поводъ къ образованію идеи пространства или, выражаясь иначе, отъ многочисленныхъ частныхъ реальныхъ актовъ нашей ощущающей, созерцающей и мыслящей дѣятельности. Вънцомъ этого процесса является вполнѣ *абстрактное* или *геометрическое* понятіе пространства, составляющее основу наукъ: геометріи, механики и въ значительной мѣрѣ, физики и химіи. Это абстрактное понятіе и есть, въ сущности, не что иное, какъ сознаніе субъекта о *родѣ* и *способѣ* его собственной дѣятельности, созидающей тотъ особый, называемый пространствомъ, порядокъ, въ которомъ онъ размѣщаетъ содержаніе своихъ собственныхъ актовъ ощущенія, воображенія и представленія.

Я. Мнѣ все не ясно, почему вы это пространство называете абстрактнымъ понятіемъ. Мнѣ кажется, что абстрактное понятіе пространства не должно заключать въ себѣ ничего чувственного, а потому мнѣ гораздо понятнѣе ученіе Канта, по которому пространство есть чистая интуиція, т. е., нѣчто, хотя и не имѣющее никакихъ чувственныхъ качествъ, но однако, все таки какъ бы наглядная протяженность и, само собою разумѣется, безконечная, именно, потому, что ее не ограничиваетъ никакое чувственное качество.

Сократъ. Ваше недоразумѣніе я могу разрѣшить такимъ образомъ. Понятіе геометрическаго пространства, строго говоря, только мыслится, а потому и не нуждается въ образахъ, но это нисколько не мѣшаетъ тому, что наша объективная, или иначе, не зависящая отъ нашего произвола фантазія постоянно овладѣваетъ этимъ понятіемъ и, при помощи идеи количества, замѣняетъ его созерцаніемъ: однако, Кантъ, какъ я уже говорилъ, ошибается, когда думаетъ, что это созерцаніе есть, по его выраженію, *чистое и безконечное*. Чистымъ оно не можетъ быть, потому что, за исключеніемъ глубокаго сна, въ нашемъ сознаніи всегда присутствуютъ какіе-либо чувственные образы, хотя-бы и въ блѣдной формѣ, цвѣтовые, осязательные и проч., такъ что всякія наши усилія вообразить чистую пространственную протяженность совершенно неосуществимы. Кромѣ того это воображаемое нами пространство, или, по Канту, чистая интуиція, всегда и неизбѣжно заключаетъ въ себѣ, въ качествахъ

своего исходнаго пункта, болѣе или менѣе ясное представленіе нашего тѣла, находящагося въ центрѣ сферы неопредѣленнаго радіуса. Что-же касается до мнимой безконечности этой интуиціи, то она, конечно, невозможна въ силу опять таки той-же неустранимой ка-чественности, которая всегда и ограничиваетъ эту воображаемую сферу. Но это пространственное созерцаніе, подкладываемое фантазіей подъ геометрическое понятіе пространства, конечно, ничѣмъ не можетъ стѣснять содержаніе этого понятія, или, что то же, не можетъ стѣснять нашу созидающую его дѣятельность.

«Вотъ къ этому то геометрическому пространству и относятся тѣ опредѣленія, которыя мы давеча разбирали, какъ, напр., *безконечность* или *безграничность* пространства, его *непрерывность* и *безконечная дѣлимость*. Наше убѣжденіе въ безконечности пространства есть не что иное, какъ наше сознаніе о безграничной возможности для нашей соотносящей и объединяющей умственной дѣятельности присоединить къ данному созерцанію пространства, ограниченнаго чувственно или въ воображеніи, всякое иное пространство, не входящее въ него и могущее быть тотчасъ же произведеннымъ нами и присоединеннымъ къ этому данному. Какъ существа разумныя, мы сознаемъ силу своего разума, который можетъ преодолѣть всякія границы, полагаемая ему фантазією и, осуществляя свой законъ, идти въ безконечность. Законъ же, который въ этомъ случаѣ осуществляется нашимъ мышленіемъ, состоитъ въ его *относительности*. Дѣло въ томъ, что самая возможность понимать ограниченное пространство зависитъ отъ неизбѣжно соотносительной мысли о неограниченномъ. Уничтожьте въ понятіи ограниченнаго всякое соотношеніе къ понятію неограниченнаго, и у васъ сейчасъ-же исчезаетъ почва подъ понятіемъ ограниченнаго. Если нѣтъ неограниченнаго пространства, то нѣтъ и ограниченнаго. Точно также, напр., если нѣтъ младшаго, то нѣтъ и старшаго. Итакъ, могу я сказать въ заключеніе, безъ нашей мыслящей дѣятельности не было бы никакого пространства: ни конечнаго, ни безконечнаго, ни большаго, ни меньшаго. Точно также непрерывность и безконечная дѣлимость неизбѣжно мыслятся въ пространствѣ, потому что мы, ничѣмъ не стѣсняемые въ нашей собственной идеѣ *положе-*

нія частей внѣ другъ друга, всегда можемъ, in abstracto, мыслить пространство еще меньше или же еще больше какого либо поставленнаго нами и возможность эта идетъ въ бесконечность. Поэтому положеніе: *всякое пространство всегда заключаетъ въ себѣ пространство и всегда заключается въ пространство*, есть самое краткое и точное выраженіе всѣхъ вышеозначенныхъ свойствъ этого понятія.

«Какъ абстрактное время, такъ и абстрактное пространство, можетъ быть, при помощи фантазіи, *субстанціировано*. Это субстанціированное чудовище и поглощаетъ всяческую реальность, конечно, мнимую, т. е., ту, которую мы же сами создали и размѣстили въ этомъ пространствѣ. Подлинныя же реальности, существующія не въ пространствѣ, а, говоря фігурально, въ лопѣ того, кто есть реальность по преимуществу, не подвергаются ни малѣйшей опасности отъ, какихъ бы то ни было, фантастическихъ чудовищъ. Тотъ же великій представитель естествовѣдѣнія, о которомъ мы говорили, трактуя о времени, т. е., Ньютонъ, назвалъ это субстанціированное, «вѣчно однородное и неподвижное, безъ всякаго отношенія къ чему либо внѣшнему», пространство *абсолютнымъ* и поставилъ его *основнымъ началомъ* своей философіи природы... *).

Калгановъ. (Обращаясь къ Сократу). Я все ждалъ и ждалъ, когда это вы будете говорить о пространствѣ 4-хъ измѣреній, куда вы пролѣзаете съ какими то тамъ вашими философами. Скажите же намъ чтонибудь объ этомъ!

Сократъ. Ничего сегодня не скажу, ибо языкъ уже прильпнулъ къ гортани. Пора и промочить!

Карамазова. А и въ самомъ дѣлѣ, давно пора закусить! Пойдемте же въ столовую!

Во время послѣдовавшей затѣмъ закуски случился слѣдующій эпизодъ. Горничная сказала Карамазову, что его зачѣмъ то хочетъ видѣть дворникъ, и когда Карамазовъ велѣлъ ему нѣсколько минутъ подождать, то Калгановъ просилъ, чтобы позвали дворника сейчасъ же въ столовую, такъ какъ ему, Калганову, необходимо получить

*) См. объ опредѣленіи пространства у Ньютона въ моей книгѣ, «Генезисъ и проч.» Стр. 119—120. Примѣч. редактора.

отъ дворника важнос свѣдѣніе. Когда горничная привела дворника, то Калгановъ вступилъ съ нимъ въ слѣдующій разговоръ.

Калгановъ. (Къ дворнику). Ты мнѣ, милый человѣкъ, очень нравишься, и я давно хотѣлъ тебѣ дать полтинничекъ на чай! (Подавая ему деньги). Ты старшій дворникъ?

Дворникъ. (Принимая деньги и кланаясь). Покорно благодаримъ вашу милость!.. Нѣтъ, я еще молодой человѣкъ.

Калгановъ. Значить, ты младшій дворникъ?

Дворникъ. (Смущаясь). Нѣтъ, мы еще только что постомъ изъ деревни поступили сюда.

Калгановъ. Ну, хорошо, ступай, братъ, и подожди тамъ хозяина. (Обращаясь къ присутствующимъ). Помните, господа, какъ онъ (указывая на Сократа) давеча говорилъ, что, если нѣтъ старшаго, то нѣтъ и младшаго, а коли нѣтъ ни старшаго, ни младшаго, то, конечно, нѣтъ и никакого. А вотъ, видите ли этотъ дворникъ ни старшій и ни младшій, а все таки дворникъ! Вотъ и вся то (указывая на Сократа) его философія такая же.

Сократъ. Ай-да, Петръ Оомичъ! Попалъ, какъ говорится, пальцемъ въ изгороду! Вотъ, пренебреженіе то къ философіи и логикѣ и мститъ за себя. Если бы вы знали логику-то, то такого плохенькаго софизма не выдвинули бы, а нашли бы позамысловатѣе. Конечно, тамъ, гдѣ нѣтъ старшаго дворника, нѣтъ и младшаго, но дворникъ можетъ существовать, какъ нельзя лучше. Вѣдь, у насъ дворники существовали съ незапамятныхъ временъ, а старшіе и младшіе начались только недавно!

Карамазовъ. Ну, Петръ Оомичъ! Бейте скорѣе себя по лбу и назовите телятиной!

Калгановъ. (Задумчиво). А, пожалуй, и правда, что телятина!

Этотъ эпизодъ, конечно, вызвалъ у всѣхъ присутствующихъ смѣхъ, съ которымъ всѣ и разошлись, уговорясь сойтись опять здѣсь же въ ближайшую пятницу, которая была табельнымъ днемъ. Сократъ, не смотря на всѣ уговариванья Карамазовыхъ, не остался почевать и ушелъ съ дочерью на вокзалъ, говоря, что ему завтра утромъ надо быть дома для какого то нужнаго дѣла.